

Театръ „Соловцовъ“.

„Вишневый садъ“ — лебединая пѣснь Чехова, оказался послѣднимъ, знаменательнымъ словомъ нашего драматическаго театра.

Дальше идти некуда! То, что мы видѣли на сценѣ театра 27 января, когда въ бенефисъ г-жи Юрьевой поставили „Вишневый садъ“, говорить о совершенномъ развалѣ театра, полномъ безнадежномъ параличѣ...

Этотъ спектакль настолько типиченъ для всего, недоброй памяти, сезона, что на немъ не грѣхъ остановиться подольше.

Прежде всего, кажется болѣе чѣмъ страннымъ, почему, послѣ неудачной попытки ставить Чехова („Дядя Ваня“), къ нему снова вернулись и выбрали его къ тому же для бенефиса. Не по традиціи ли дешевыхъ театровъ гдѣ заботятся, главнымъ образомъ, о роли бенефицианта, а все остальное разсматривается какъ нѣчто подчиненное, второстепенное...

Въ распредѣленіи ролей бросается въ глаза именно эта ужасная особенность спектакля, меньше всего примѣнимая къ пьесѣ Чехова, гдѣ каждое дѣйствующее лицо — самоцѣльная величина, живое типичное воплощеніе дѣйствительности, гдѣ все дѣйствіе держится на строгомъ ансамблѣ.

Достаточно сказать, что Гаева игралъ г. Дагмаровъ, а Варю — г-жа Грей, чтобы понять, съ какой попозволительной небрежностью былъ обставленъ этотъ отвѣтственный спектакль.

Отвѣтственный — потому что къ Чехову нельзя относиться съ той безцеремонной

развязностью, съ какой привыкли ставить пьесы въ этомъ театрѣ.

Гаевъ—символь вымирающаго дворянства. Легкій букетъ романтизма, изящныя фатовскія манеры, вѣйшее джентельменство, при всемъ внутреннемъ убожествѣ—всего этого не было на сценѣ. Г. Дагмаровъ сумѣлъ вмѣсто Гаева дать какое-то неопредѣленно сѣрое пятно. Никакого образа! Былъ какой то неперестававшій что-то жевать ма-некенъ, однотонно что-то ворчавшій...

Начинающей артисткѣ г-жѣ Грей дали глубоко драматическую роль Вари. И это послѣ того, какъ она такъ печально проявила себя въ большой роли въ шиллеровской „Коварство и Любовь“! Чеховской Вари, женщины—изстрадавшейся въ мукахъ одиночества, истерзанной до озлобленія и жаждущей выхода изъ этой живой могилы,—на сценѣ не было. Г-жа Грей совершенно обезцвѣтила этотъ благодарный образъ.

Неужели нельзя было этихъ ролей поручить г. Недѣлину и г-жѣ Чарусской! Быть можетъ, тогда отъ Чехова хоть что-нибудь осталось бы.

Но и остальные персонажи оказались далеко не на своихъ мѣстахъ. Въ роли Ани была г-жа Валенто. И вмѣсто полной воодушевленія, интимно и нѣжно во все проникающей, очаровательной дѣвушки—была какая то пустынная вертушка, весело все время хохотавшая и только...

Г-жа Невѣрова окаррикурировала фигуру гувернантки. Г-жа Гофманъ была лучше другихъ въ роли кокетливой горничной. Г-нъ Болховской вмѣсто забитаго конторщика Епиходова изображалъ какого-то жеманящагося, вульгарно самодовольнаго прикащика. Г. Дагмарову-Жукову, въ роли Яши, слѣдовало бы дать больше живости и игривости. Г. Степановъ—помѣщикъ Пищикъ былъ суетливъ и смѣшонъ, все время впадалъ въ шаржъ.

Мы не коснулись центральныхъ фигуръ, но уже этого бѣглаго обзора ихъ антуража достаточно, чтобъ убѣдиться, какъ скандально у насъ провалился „Вишневый садъ“...

Не были даны, даже въ приближеніи, такъ рельефно обрисованныя авторомъ фигуры.

Раневскую играла г-жа Юрьева. Эта артистка сыграла свѣтскую милую, пустую барыньку. Теплоты и задушевности, того трепета женственности, которымъ дышитъ этотъ образъ, мы не видѣли.

Студента Трофимова игралъ г. Рудницкій. Артистъ несетъ на себѣ въ сезонѣ легкую ношу драматическаго любовника. Мягкій тонъ, вдумчивое интеллигентное исполненіе, но нѣтъ яркаго темперамента, мало подвижная мимика, нѣтъ настоящаго дра-

матизма. Если имѣть въ виду, что г. Рудницкій одинъ на это амплуа (нельзя же въ серьезъ считать г. Двинскаго любовникомъ), то мы поймемъ, что эта труппа напоминаетъ собой ту оперную, гдѣ были всѣ голоса, кромѣ тенора.

Роль Трофимова г. Рудницкій провелъ блѣдно. Въ лирическихъ мѣстахъ было мало задушевности, воодушевленія, нѣжности. Загримированъ былъ онъ старше своихъ лѣтъ. Дивная его сцена съ Аней, эта начинающаяся весна любви, легкій вѣтерокъ перваго юнаго чувства—все это пропало на сценѣ, прошло безъ слѣда и намека... А его сцена съ Раневской, гдѣ онъ возмущается ея признаніями и восклицаетъ — „между нами теперь все кончено!“ была каррикатурно преувеличена въ крикѣ, и въ особенности—въ жестахъ.

Незачѣмъ, впрочемъ, останавливаться на отдѣльных сценахъ. Достаточно сказать, что провалилась вся пьеса, не осталось отъ нея ни одного живого мѣста.

Фирсъ—г. Борисовъ ковылялъ и шамкалъ, какъ столѣтній старецъ, но души вѣрнаго до гроба раба, сросшагося со своими господами, не чувствовалось.

Центральная фигура купца Лопухина была совершенно невѣрно истолкована г. Смирновымъ. Стихийный носитель новой силы былъ представленъ осторожнымъ, разсчитливымъ дѣльцемъ. И столь важный третій актъ, гдѣ эта стихійная сила прорывается и въ упоеніи собой сметаетъ все, что напоминаетъ прежнее, отжившее, гдѣ пьеса возвращается до трагедіи,—тамъ благодаря умѣренной и аккуратной игрѣ г. Смирнова получается любопытный эпизодъ на бадю—и только. И символическая великолѣпная сцена пропадаетъ.

Кто ставилъ пьесу—неизвѣстно. Имени режиссера нѣтъ ни на афишѣ, ни въ программахъ. И это не случайность. То же наблюдалось и по отношенію къ „Трильби“, къ „Камо грядеши“ и др. Что означаютъ эти анонимныя постановки? Не откровенное ли признаніе ихъ никчемности, доходящее до желанія скрыть имя ихъ автора?

Такъ прошелъ „Вишневый садъ“, съ точки зрѣнія элементарныхъ для сцены требованій.

О высшихъ проявленіяхъ искусства говорить не приходится.

Пьеса поставлена наспѣхъ. Сцены не достаточно срепетованы—и это въ примѣненіи къ Чехову!

Ни настроенія, ни стили, ни ритма чеховскихъ вещей! Обстановка груба и плоска. Пьеса скомкана, сыграна лишь бы сбыть съ рукъ. Схваченныя изъ гущи жизни образы, трогательныя, даже потрясающія сцены—при

такомъ исполненіи не затрагиваютъ слушателя. Онъ остается равнодушнымъ и тогда, когда падаетъ занавѣсъ предъ одинокимъ, забытымъ Фирсомъ.

Театръ переживаетъ очевидную агонію. Репертуаръ, всегда невыдержанный, теперь мечется какъ угорѣлый. Не брезгаютъ ставить такія трескучія мелодрамы какъ „Трильби“, выкапываютъ „Губернскую Клеопатру“, выѣзжаютъ на старой „Madame sans gêne“...

Бросаются къ пьесамъ модныхъ французскихъ драматурговъ—Батайля и Бернштейна, чтобъ тотчасъ притянуть за волосы „Камо грядеши“...

И среди всего этого хаоса лишь одна пьеса Л. Андреева—„Дни нашей жизни“ держится очень устойчиво, ставится вотъ ужъ 22-й разъ, неизмѣнно привлекая публику.

Не одно имя Андреева тому причиной. Другая его же вещьца „Любовь къ ближнему“ снята послѣ перваго же спектакля.

Виною тому—жизненность общаго фона этой далеко не сильной пьесы Андреева и, главное, сравнительно недурное исполненіе. Тамъ нѣтъ нелѣпыхъ несообразностей въ распредѣленіи ролей, чувствуется сыгранность, любовное отношеніе къ дѣлу.

И если г-жа Чарусская, въ роли Оль—Оль, и заставляетъ сожалѣть о своей довольно однотонной игрѣ, то г-жа Токарева безупречна въ характерной роли ея матушки, которую артистка проводитъ виртуозно.

Изъ видныхъ артистовъ, нами еще не упомянутыхъ, слѣдуетъ назвать г-жу Пасхалову. Артистка, когда освобождается отъ своей нѣсколько искусственной манеры рѣчи и движеній, даетъ художественные, женственно-прекрасные образы. Такой она была

Ню въ пьесѣ Дымова и Эвникой въ „Камо грядеши“.

Изъ молодыхъ рѣзко виднулся г. Леонтьевъ. Артистъ удивляетъ разнообразіемъ своего дарованія, рельефностью и мѣткостью своихъ изображеній.

Назовемъ еще способныхъ артистовъ г-жу Лѣсную и г. Крамова, и исчерпаемъ этимъ силы труппы. Ибо за ними идутъ такія „молодые силы“, которыя съ большей пользой и для себя, и для театра могли бы приложить свою энергію къ любому дѣлу, но только не къ сценѣ.

Между тѣмъ ихъ выступленія въ текущемъ сезонѣ, нерѣдко даже въ большихъ роляхъ, оставляли сплошь и рядомъ самое тягостное впечатлѣніе.

Такъ заканчивается этотъ горестный, и въ художественномъ и въ матеріальномъ отношеніи, сезонъ.

Театръ не можетъ продолжать такъ существовать.

Онъ въ цѣляхъ даже самосохраненія, долженъ меньше гнаться за публикой, и больше за художествомъ—тогда публика сама къ нему придетъ.

Театръ нуждается въ тщательной чисткѣ—сверху до низу, ненужные и вредные элементы должны отпасть, все дѣло нуждается въ единомъ авторитетномъ руководителѣ, который бы заправлялъ всей художественной сферой и не встрѣчалъ бы для этого стѣсненій въ матеріальныхъ средствахъ.

Театръ долженъ или погибнуть, или возродиться на новыхъ началахъ. Въ такомъ состояніи, какъ теперь, онъ не можетъ остаться.

Д. Волгинъ.